

— Мужун Цинь, не думай, что сможешь управлять мной, как в прошлом!

Мужун Цинь с легкой улыбкой на губах слегка повернулся к нему, в его глазах читалось пренебрежение и предупреждение:

— Я говорил, что нет ничего, чего я не смог бы получить. Но не ошибись, это не к тебе относится.

— Не смей больше прикасаться к нему.

— Какое тебе дело? — Мужун Цинь потемнел взглядом и тяжело зашагал прочь.

Бай Цинцзю шел по переулку, прикрывая рот рукой, и чихнул, а затем ладонь легла на живот. Почему именно сейчас, когда он решил уйти, появилось это создание?

Перед ним резко затормозил черный Bentley бизнес-класса. Бай Цинцзю судорожно вдохнул и замер, не в силах сделать ни шагу.

Мужун Цинь вышел из машины, черное пальто развевалось на ветру, его присутствие было подавляющим. Он схватил Бай Цинцзю за запястье, черты лица от гнева стали еще острее:

— Бай Цинцзю, даже шалости должны иметь меру!

Бай Цинцзю попытался вырваться, но хватка была такой сильной, что причиняла боль:

— Я говорю серьезно.

— Что тебя тревожит? Что именно тебя не устраивает? Ты же знаешь, каково это — проснуться и не увидеть тебя рядом? Я...

Бай Цинцзю смотрел на него ошарашенно, не понимая, о чем речь. Это совсем не похоже на поведение Мужун Циня.

Мужун Цинь сжал кулаки, сдерживая эмоции:

— Чего ты хочешь от меня? Говори. Деньги тебя не интересуют, так чего же ты ждешь?

Бай Цинцзю слегка приподнял голову, нос покраснел от холода, и он тихо прошептал:

— Я хочу уйти от тебя.

— В своих мечтах! — уровень гнева Мужун Циня снова взлетел, о приличиях пришлось забыть.

Мужун Цинь развернулся, подошел к машине, достал папку с документами и вытащил оттуда договор:

— Бай Цинцзю, ты ведь хотел расторгнуть контракт?

Бай Цинцзю замер. Этот контракт подписали пять лет назад, и с тех пор он его не видел. Он часто думал: не считая этой бумажного обещания, есть ли хоть малейший шанс, что Мужун Цинь полюбит его хоть немного? Даже если бы контракт продлили, и на всю жизнь, Бай Цинцзю был бы согласен.

Но Мужун Цинь сказал:

— Ты хочешь всё закончить? Я исполню твоё желание.

С этими словами он разорвал договор пополам, а затем на мелкие кусочки и разбросал их за спиной.

Зрачки Бай Цинцзю расширились, он попытался схватить их, но не смог удержать ни клочка. Действительно, ни капли чувств.

Он присел на корточки и стал собирать обрывки с земли, словно пятилетние прекрасные мечты в одно мгновение рассыпались в пыль, не оставив даже осколков.

Мужун Цинь поднял его:

— Это то, чего ты хотел? Доволен? Бай Цинцзю, я тебе говорю: контракт аннулирован, денег ты не получишь, и уйти тоже не сможешь.

Сказав это, он грубо затолкал Бай Цинцзю в салон, сорвал с себя галстук и, несмотря на сопротивление, крепко связал ему руки.

Бай Цинцзю сжимал в ладони последние обрывки бумаги и кричал:

— Нет, отпусти меня!

Мужун Цинь затянул узел намертво, взгляд был свирепым, словно он хотел его сожрать. Бай Цинцзю яростно сопротивлялся, пнул его коленом, но тут же его лодыжка была схвачена, и Мужун Цинь навалился сверху.

— Не подходи, не дави на мой живот...

Бай Цинцзю лежал в машине в позе полного унижения, руки и ноги были скованы. Колено Мужун Циня уперось в его больное место, туда, где ощущалось разрывание, и пронзительная боль лишила его дара речи.

Мужун Цинь, как охотник, смотрел на добычу сверху вниз:

— Бай Цинцзю, не заставляй меня злиться.

— Отпусти меня, прошу тебя, — Бай Цинцзю отвернулся, глаза наполнились влагой.

Мужун Цинь на мгновение смягчился, но необходимость запугать взяла верх:

— Не забывай, у тебя на складе ещё множество картин. Если ты посмеешь уйти, я сожгу их всё дотла.

Взгляд Бай Цинцзю потух, он прикусил бледные губы, а руки бессильно опустились.

Картины, даже если покупатель их не любит, не заслуживают того, чтобы их предали огню. Как и я — их игнорируют, но они не желают быть униженными.

Мужун Цинь медленно поднялся, убедившись, что тот больше не сбежит, и со звуком «бух» захлопнул дверь. По дороге домой он не знал, сколько красных светофоров пролетел.

Мужун Цинь схватил его за затылок и прижал к большой кровати в спальне, его горячее дыхание проникало под одежду:

— Сегодняшнее я могу считать несбывшимся. Ты будешь здесь хорошо себя вести, никуда не пойдешь.

— Мужун Цинь...

— Всё, я не хочу ничего слушать. Твое письмо я не признаю ни единым словом.

Бай Цинцзю лежал на боку и тупо спросил:

— Почему? Ся Юй вернулся, я...

— Это не касается Ся Юя. Ты останешься здесь и больше не будешь упоминать его имя.

Мужун Цинь развязал ему руки, бросил галстук на пол, наклонился, чтобы поцеловать его в лоб, но тот с неприязнью отвернулся.

Мужун Цинь сжал кулаки и в ярости вышел, дверь захлопнулась так сильно, что, казалось, задрожала вся земля.

На следующий день Мужун Цинь приказал экономке приготовить стол из его любимых блюд. У Бай Цинцзю не было аппетита, он не мог проглотить ни кусочка, всё съеденное тут же выходило обратно.

Мужун Цинь нахмурился:

— Не можешь — будешь есть. Не думай, что голодовкой на меня подействуешь.

Он понятия не имел, почему Бай Цинцзю тошнит и почему у него нет аппетита.

Бай Цинцзю жил в этом доме пять лет, и впервые почувствовал себя золотой птичкой в клетке, пусть и не слишком красивой.

Когда Мужун Цинь ушел, Бай Цинцзю возился на складе весь день, упаковывая все картины. Едва стемнело, он шагнул за порог, но тут же наткнулся на Мужун Циня. Увидев, что тот несет стопку холстов, Мужун Цинь пришел в ярость:

— Что ты делаешь?

Бай Цинцзю виновато попятился:

— Везу картины на воцение.

— Оставь, я пошлю людей.

— Нет, я сам отвезу, так спокойнее.

Мужун Цинь холод усмехнулся:

— Хорошо, тогда я поеду с тобой.

Бай Цинцзю замер на месте, действительно не ожидая такого. Для него эти картины были просто мусором, купленным за большие деньги, а для меня — воплощением всей души.

Мужун Цинь сказал:

— Почему не идешь? Ты же спешил.

Бай Цинцзю сглотнул ком в горле:

— Эти картины для тебя бесполезны, лежат на складе, так лучше...

— Лучше что?

— Я знаю, что не обязательно смогу их продать, но постараюсь найти покупателя. Если денег не хватит, я верну долг потом.

— Зачем возвращать?

— Ты заплатил слишком дорого, они не стоят этих денег.

— Я сказал, что стоят. Кто позволил тебе самовольно продавать мою коллекцию?

Лицо Мужун Циня становилось все страшнее, атмосферное давление давило всё сильнее. Бай Цинцзю чувствовал свою правоту, но всё же сказал:

— Я автор, я имею право их забрать. Деньги я верну.

Мужун Цинь скрежетал зубами, угрожая:

— Бай Цинцзю, мое — это всегда мое. Если ты посмеешь это забрать, я сейчас же их разобью!

Бай Цинцзю весь дрожал:

— На каком основании...

— Лучше верни их сейчас же на место, и я не буду с тобой разбираться.

Бай Цинцзю отвернулся, не желая уступать. То, что он решил забрать, не могло вернуться обратно.

Они застыли в противостоянии. Мужун Цинь расстегнул манжеты, шаг за шагом приближаясь:

— Я никогда не замечал, что ты такой непослушный. Я слишком долго тебя не воспитывал?

Бай Цинцзю отводил взгляд, пытаясь ускорить шаг, но ладонь легла на плечо, и его с легкостью толкнули на диван.

Бай Цинцзю споткнулся, потерял равновесие и упал. Холсты выскользнули из рук, но Мужун Цинь перехватил их и аккуратно положил в сторону.

Бай Цинцзю прижал ладони к груди, на лице читалось полное неприятие. Чем больше он холодил, тем сильнее злился Мужун Цинь, грубо схватив его за подбородок:

— Что такое? Позавчера ты был так активен. Отлично, научился играть в кошки-мышки.

— Я не...

Мужун Цинь разорвал его воротник и впился зубами в кадык:

— Бай Цинцзю, в какие игры ты со мной играешь? Думаешь, что я из-за этого тебя отпущу?

— Нет, прошу тебя...

Тело разрывало от боли, страдания были подобны обрушению гор, лишая возможности издать звук.

Пять лет их отношения были вялыми и безразличными, непонятно почему все дошло до такой точки невозврата именно перед расставанием.

Бай Цинцзю стиснул зубы, на лбу выступил холодный пот. В какие-то мгновения ему казалось, что он сейчас потеряет сознание.

Мужун Цинь почувствовал, как пылит его тело, и лишь после того, как импульс угас, коснулся его лба:

— Что с тобой?

Губы Бай Цинцзю пересохли, он смотрел на него затуманенным взглядом:

— Мужун Цинь, ты меня не любишь, зачем... ты так...

Мужун Цинь вдруг пришел в замешательство, прижал его к себе и прошептал ему на ухо:

— Я люблю тебя, Сяобай.

Наверное, это сон. Только во сне он мог говорить такие слова.

<http://bllate.org/book/16396/1484944>